

К.Н. Стручков

DOI: 10.25693/SVGV.2020.31.2.010

УДК 811.512.212'373.613

Монгольские лексические заимствования в эвенкийском языке

Настоящая статья посвящена характеристике функционирования монгольских лексических заимствований в эвенкийском языке.

Анализ лексики современного эвенкийского языка показывает наличие в нем большого количества монголизмов, вошедших в разное время и во все три наречия языка. Древние эвенки находились в течение длительного исторического времени во взаимодействии с монголоязычными народами, в результате чего в лексику эвенкийского языка проник большой пласт монгольских лексических заимствований, что подтверждают исторические связи эвенков с этими народами.

Место заимствованного слова определяет в системе языка эвенков его социолингвистическая природа, т.е. наличие социального взаимодействия и единство языковых признаков. Результаты исследования показывают, что заимствованное слово обрастает всеми качествами «принимающего» языка-реципиента и становится единицей лексического уровня эвенкийского языка.

При этом фонетический облик монголизмов практически не изменился. В морфологическом отношении большинство анализируемых слов также не претерпело каких-либо значительных изменений. Часть монголизмов в эвенкийском языке подверглась семантическому переосмыслению (сужение или расширение значения), другая часть монгольских заимствований сохраняет свои значения.

Научная новизна состоит в максимально широком привлечении круга источников языкового материала, выявлении функционирования монгольских заимствований в языке эвенков в социолингвистическом аспекте.

Ключевые слова: эвенкийский язык, монгольский язык, бурятский язык, языковые контакты, взаимовлияние, лексические заимствования, сравнительное исследование, словарный состав.

Проблема языковых контактов бурятского и эвенкийского этносов до недавнего времени почти не изучалась. В широком плане эта тема отражается в трудах таких ученых-алтаистов, как Г.И. Рамstedт [1957], В.Л. Котвич [1962], N. Poppe [1965], В.И. Цинциус [1949; 1972; 1979], Doerfer [1985].

В бурятском языкознании имеются работы, где анализируется вопрос о влиянии тунгусо-маньчжурских языков на звуковую строй бурятского языка. Так, И.Д. Бураев [1976; 1987; 1989], учитывая топонимистические и фольклорные данные, пишет в своих работах о возможном эвенкийском субстратном влиянии на бурятский язык, а именно о появлении фарингального *h* на месте исконного *s*, об интонационном изменении, о причинах отсутствия аффрикат в бурятском языке. О роли тунгусо-маньчжурских языков в формировании фонетического строя бурятского языка пишет и В.И. Рассадин. Он

высказывает мнение о том, что тунгусо-маньчжурские черты в звуковом облике своего языка, особенно в системе гласных, протобуряты принесли на новую территорию своего обитания, в Прибайкалье. Здесь эти черты закрепились и усилились под вторичным влиянием тунгусо-маньчжурского языка, на этот раз эвенкийского, а также аборигенных языков других групп. Однотипные черты ввиду отсутствия вторичного влияния тунгусо-маньчжурских языков исчезли у халха-монголов и ойратов. Однако при этом он считает, что вопрос о том, какими были языки, способствовавшие столь сильному развитию тенденции ослабления напряженности артикулирующих органов, вызвавшие утрату бурятским языком аффрикат и переход *s* в *h* и *d'*, остается открытым. Аналогичная тенденция прослеживается в сибирских тюркских языках. В эвенкийских же диалектах и говорах смычный *k* и аффрикаты *ч* и *j'* сохра-

няются. В этой связи примечательным является то, что в тех эвенкийских говорах, которые соседствуют с бурятскими, исконный тунгусо-маньчжурский *s* либо дал *s*, либо сохранился, поскольку эти эвенкийские говоры в своей основе являются ссекающими говорами, хотя и включают некоторые черты, характерные для восточной группы эвенкийских говоров, у которых только интервокальный *s* переходит в *h*, а анлаутный *s* сохраняется [Рассадин, 1982, с. 169–171].

При столкновении двух языковых систем наиболее проницаемой и подверженной внешним воздействиям является лексическая область языка. Сравнительное исследование словарного состава бурятского и эвенкийского языков было начато относительно недавно. Сохранение эвенкийских слов в говоре хамниган отмечалось в работах Д.Г. Дамдинова [1968, с. 88; 1977, с. 42; 1995, с. 59]. Д.Г. Дамдинов представляет комплексное решение проблемы контактирования двух языков на анализе большого лексического материала: бурятские хроники, бурятские родовые названия, топонимика этнической Бурятии и в целом словарный состав бурятского языка и его говоров. Ценность его исследования заключается и в том, что он выделяет в основном маньчжурские и эвенкийские элементы в бурятском языке, поскольку науке в большей степени известны работы вообще по монголизмам в тунгусо-маньчжурских языках, хотя некоторые из выявленных им заимствований, на наш взгляд, являются спорными в определении источника заимствования. Интересным в плане этнического взаимовлияния бурятского и эвенкийского народов является анализ бурятских родовых названий, среди которых автор выявляет 17 родов с эвенкийскими названиями. Другой исследователь лексики бурятского языка и его диалектов Ц.Б. Будаев [1978] представляет в общем те же заимствования и приводит собственные эвенкизмы, большая часть которых не вызывает сомнений в их эвенкийском происхождении. Иная интерпретация проблемы языкового взаимодействия двух рассматриваемых этносов предлагается В.И. Рассадиным [1987; 1989; 1996, с. 157–158].

По его мнению, которого мы и будем придерживаться в нашем исследовании, более объективных и конструктивных результатов в реше-

нии данного вопроса можно добиться при обращении к общемонгольскому и общетунгусо-маньчжурскому материалу. В этом плане необходимо особо отметить самый крупный и богатый по содержанию коллективный труд группы исследователей под руководством В.И. Цинциус – «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» (ССТМЯ). Здесь помимо общего тунгусо-маньчжурского лексикона приводятся и лексические параллели из других как алтайских, так и неалтайских языков, и по возможности определяется язык-источник заимствования. Авторы этого словаря предлагают для дальнейших алтаистических изысканий проводить обзор словарного запаса языков алтайской семьи по широким тематическим разделам, что позволяет убедительно и основательно осуществлять этимологический анализ. Эта методика представлена в других их коллективных работах [Очерки..., 1972; Исследования..., 1979; Алтайские этимологии, 1984], однако хронология монгольских лексических соответствий дается имплицитно. В некоторой степени конкретные хронологические рамки установлены в работах В.И. Рассадина [1982; 1987, 1989; 1996], Д.М. Берелтуевой [1985; 1990].

Весьма важным в научном плане нам представляется исследование лексики эвенкийского языка с точки зрения выявления в нем монголо-бурятских заимствований, а также установления влияния тунгусо-маньчжурских языков на лексику бурятского языка, определив при этом круг общей монголо-тунгусо-маньчжурской лексики.

В 2012 г. вышла из печати работа Г.Н. Чимитдоржиевой «Исторические связи бурятского и эвенкийского языков (на примере лексики)», в которой автор рассматривает бурятско-эвенкийские языковые связи в историческом плане. В результате анализа фактического материала и с учетом богатейшего опыта предшественников выделены, с одной стороны, монгольское и собственно бурятское влияние на эвенкийский язык и определена его хронология, а с другой – влияние тунгусо-маньчжурских языков и собственно эвенкийского на бурятский. Автор стремится выработать критерии для определения монголизмов и тунгусо-маньчжуризмов и на их основе установить объем и характер заимствованной лексики этих языков. Автором монографии

монгольские заимствования в эвенкийском языке сгруппированы по темам внутри каждой части речи – существительное, прилагательное, глагол, наречие, междометие [Чимитдоржиева, 2012, с.124].

В своем исследовании мы выявили 380 монгольско-эвенкийских лексических параллелей, вошедших в эвенкийскую лексику через бурятский язык. По всей видимости, они появились, когда предки бурят в составе других монгольских племен ушли на запад и оказались в Прибайкалье, где снова встретились со своими дальними родственниками – эвенками.

Взаимодействие иноязычного слова с языковой системой эвенкийского языка и средой функционирования сказывается на его семантических трансформациях и влияет на словообразовательные процессы, что вполне естественно, так как среда функционирования заимствованного слова – это инокультурная для него среда.

Проведенные опрос и интервьюирование носителей языка, касающиеся семантики лексем, выявили полную степень освоения большинства иноязычных лексических заимствований [ПМА, 2013].

Семантическая адаптация заимствованных монгольских слов показывает, насколько глубоко они вошли в лексику эвенкийского языка. Монголизмы выявляются во всех трех наречиях эвенкийского языка, одни из них носят общетунгусо-маньчжурский характер, другие встречаются в единичных случаях в говорах эвенкийского языка. Есть такие, которые проникли в эвенкийский через якутский язык. Многие слова были заимствованы без изменений в фонетике и семантике. В лексико-семантическом плане они могут быть сгруппированы внутри каждой части речи, например, существительные – в три группы, глаголы – в пять групп и т.д. Анализ семантической адаптации монгольских слов показывает, что большинство из них не меняет своей семантики. В некоторых случаях произошли заметные сдвиги в значениях слов: сужение значения слова – монг. *аян* – 'дальний путь, поездка, путешествие, дорога' в эвенкийском имеет только конкретизированное значение – 'путь (пройденный)'; другие слова расширили значение – *кирипчу* 'грязь, гадость, пакость; грязный, гадкий, противный'; в монгольском 'грязь'.

Именное и глагольное словоизменения рассматривались как элементы грамматической адаптации. Монгольские заимствования изменяются по числам (ед.ч., мн.ч.); склоняются по всем формам эвенкийских падежей, образуют лично-притяжательные и возвратно-притяжательные формы имен существительных. От заимствованного слова может быть образован глагол. Это происходит с помощью стандартных для эвенкийского языка словообразовательных суффиксов. Глаголы, образованные от заимствованных существительных, изменяются по категориям времени, лица и числа, наклонения и т.д. и тем самым полностью включены в систему эвенкийского языка.

Таким образом, контактирование эвенков с монголоязычными народами повлияло на развитие лексики эвенкийского языка, обогащая ее все новыми и новыми лексемами.

Б.В. Золхоев в монографии «Монголоязычное население Байкальской Азии во II–XVII вв. История и проблемы» разделяет точку зрения В.И. Рассадина и подтверждает ее лингвистическим материалом. Проанализировав «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков», автор обнаружил 988 параллелей в эвенкийском, маньчжурском и бурятском языках, из них 373 слова имеют параллели во всех трех языках, 235 – только в бурятском и маньчжурском, 380 – в бурятском и эвенкийском [Золхоев, 2012, с. 100–101]. Автор предполагает, что первая группа слов сохранилась с раннего этапа эволюции, когда монгольские и тунгусо-маньчжурские племена развивались в составе единого языкового союза; вторая группа возникла после ухода тунгусских племен в таежную зону, третья – при возвращении предков бурят в Прибайкалье, где они снова встретились с дальними родственниками – эвенками. Анализ слов первой группы позволил констатировать, что в ней нет названий культурных растений, т.к. монгольские, маньчжурские и эвенкийские племена не занимались земледелием. Но имеются 20 названий домашних животных: адуун 'скот', агта мерин, азарга 'жеребец', буха 'бык', гунан бычок трех лет', дунжэн 'корова четырех лет, жороо 'иноходец', ямаан 'коза', инзаган 'козленок', эрье 'кастрированный баран', хонин 'овца', хуса 'баран', хэнзэ 'поздний ягненок', морин 'лошадь', мэгэжэ 'самка дикой свиньи', тугал 'теленки', тэ-

мээн 'верблюду', унаган 'жеребенок', ухэр 'бык', элжэгэ 'осел'.

По мнению автора, предки эвенков были знакомы с зачатками скотоводства, но с уходом в тайгу утратили эти навыки.

Автор пишет, что эвенки появились в т.н. «глазковское время», примерно 3800 лет назад, в эпоху бронзового века. Таким образом, они проживали в Прибайкалье почти за два тысячелетия до бурят.

Г.Н Чимитдоржиева в монографии «Исторические связи бурятского и эвенкийского языков (на примере лексики)» [2012] в результате анализа фактического материала и с учетом опыта лингвистов выделила, с одной стороны, монгольское и бурятское влияние на эвенкийский язык и определила его хронологию, а с другой – влияние тунгусо-маньчжурских языков и собственно эвенкийского на бурятский. Среди лексических заимствований из монгольских языков в эвенкийский выделила различные пласты заимствований: древнейшие, средневековые, сохранившие особенности среднемонгольского языка, поздние монгольские и бурятские, а также выявила влияние тунгусо-маньчжурских и эвенкийского на бурятский язык.

Б.В. Золхоев, разделяя точки зрения Н. Поппе и В.И. Рассадина о существовании некоего единого языкового (племенного) союза монгольских и тунгусско-маньчжурских племен, предлагает уточнить урало-алтайскую гипотезу новыми данными. Языки надо делить не на две группы, а на три: западная группа – уральские (угро-финские) языки; центральная – алтайские (тюркские) языки; восточная группа – монгольские, тунгусо-маньчжурские языки. Сюда же автор относит корейский и японский языки.

Как уже отмечалось, известно, что предки эвенков появились в Прибайкалье в т.н. «глазковское время» (XVII–XIII вв. до н.э.), т.е. в эпоху бронзового века примерно 3800 лет назад. Вероятно, причиной их экспансии по тайге на запад и север был поиск новых охотничьих угодий.

Поскольку они располагали бронзовыми орудиями труда и вооружением, то имели несомненное преимущество перед коренным населением региона, еще находящимся на стадии развития неолита, (палеоазиатами, возможно самодийцами), вооруженным каменными орудиями. Предки эвенков освоили огромную тер-

риторию тайги – от Амура до Ледовитого океана и почти до Урала.

Таким образом, они проживали в Прибайкалье почти за два тысячелетия до бурят; монголо-тунгусо-маньчжурский языковой и, возможно, племенной союз существовал до их выхода с Дальнего Востока, т.е. до XVIII в. н.э. В результате в современном эвенкийском языке появились монголо-эвенкийские параллели.

Прежде всего, нужно сказать, что изучение типологии и систем различных языков является значительным достижением языкознания [Нелюбин, 2012, с. 8], что позволяет выделять различные группы заимствований, которые подразделяются на фонологическую, фонетическую, морфологическую, лексическую [Там же, с. 30].

Немногие монголизмы при переходе в эвенкийский язык изменили свое внешнее выражение. Основной причиной изменения облика слова является отсутствие фонологических, фонетических, морфологических, синтаксических, лексических выражений лексемы в эвенкийском языке.

Вкрапления же выполняют чисто номинативную роль. Они характеризуют степень знакомства говорящего с иностранным языком, их употребление во многом мотивируется некоторыми стилистическими или жанровыми особенностями речи. В настоящее время весьма характерна тенденция употребления иноязычных вкраплений без переводов, комментариев или оговорок, «...как бы в расчете на достаточную осведомленность и квалификацию аудитории» [Крысин, 1996, с. 61].

Анализ семантической адаптации монгольских слов в эвенкийском языке показал, что большинство монгольских заимствований в основном не изменяют своей семантики. Однако в некоторых случаях произошли заметные сдвиги в значениях слов. Например, некоторые полисемантические слова были заимствованы эвенкийским языком лишь в одном из их значений, более конкретизированном:

ајан «путь (пройденный)» < монг.; ср. п.-мо. *ayap*, х.-м. *аян*, бур. *ая(н)* «дальний путь, дорога, поездка, путешествие», калм. *аян уст.* «военный поход»; ајил «сосед» < монг.; ср. п.-мо. *ayil* «аил, селение; юрта, дом; сосед», х.-м. *айл*, бур. *айл* «аил, группа юрт; юрта, дом; семья; соседи», калм. *эал* «аил, хотон, селение; устар. се-

мья, семейство; двор, хозяйство; соседи; гость»; арга «возможность» < монг.; ср. п.-мо. *агуа*, х.-м. *арга* «средство, способ; уловка, ухищрение», бур. *арга* «средство, возможность, способ; ловкость, уловка, хитрость», калм. *арһ* «возможность, способ, прием; способность, умение»; дōжи ~ дожи «первинка (первая лучшая часть туши при дележе убитого зверя)» < монг.; ср. п.-мо. *degeji*, х.-м. *дээж*, калм. *дееж*; «почетное угощение (напр., первый кусок мяса, первая чашка чая, которые ставились в качестве жертвоприношения перед бурханом)», бур. *дээжэ* «лучшая часть, лучший кусок; проба»; *јавудал* «поступок, происшествие» < п.-мо. *yabudal* «ход, действие, поступок»; ср. х.-м. *јвдал* «ход, походка; положение; действие, поступок», бур. *јабадал* «ход, походка; положение; дело, действие, поступок», калм. *јовдл* «ход, походка; депо, занятие, поступок»; *јэндбр* ~ *јэндэр* «пол» < монг.; ср. п.-мо. *inder* ~ *yende*, х.-м. *индэр*, бур. *ендэр* «помост, возвышение», калм. *дендр* «постамент»; *кōлај* «труба с изгибом» < монг.; ср. п.-мо. *qoyulai*, х.-м. *хоолой* «горло, труба», бур. *хоолой* «горло; труба, дымоход»; сувэ «ушко (игольное)» < монг.; ср. п.-мо. *sübe*, бур. *һүбэ* «дырочка, ушко; узкое отверстие, проход, щель, скважина», х.-м. *сүв* «дырочка, ушко», *зүүний сүв* «игольное ушко; узкое отверстие, проход, щель»; *ујан* «мягкий (о металле)» < монг.; ср. п.-мо. *ујан*, х.-м. *ујан* «гибкий, упругий; мягкий, эластичный», бур. *ујан* «мягкий, гибкий, упругий; слабый (о характере)»; *чачали* «брызги вина (в жертву духам)» < монг.; ср. п.-мо. *сайа* «брызгать, кропить», х.-м. *цаца* «брызгать, опрыскивать», бур. *саса* «брызгать чем-л., разбрызгивать; кропить, прыскать; разбрасывать, раскидывать; рассыпать»; *эргүлгэ* «кожемялка» < монг.; ср. п.-мо. *ergigülgen*, х.-м. *эргүүлгэ* «ворот, лебедка; водоворот, пучина», бур. *эрьюулгэ* «вращение, поворот; ворот; водоворот; кожемялка».

Другие же монгольские слова, наоборот, расширили свои первоначальные значения уже на почве эвенкийского языка, например:

āјаннā «ездить, переезжать (с места на место), странствовать, путешествовать; перелетать (о птицах)» < монг.; ср. п.-мо. х.-м. *аяла*, бур. *аял* «отправиться в путь; путешествовать»; *анни*, *ан*, *анди*, *анивки*, *анир* «утка-чернеть, турпан, рябчик; название птицы (из семейства ворон)» < монг.; ср. п.-мо. *anggir*, х.-м., бур. *ангир*,

калм. *энгр* «турпан»; *бутун* «целый, нетронутый; несломленный, невредимый» < п.-мо. *bütün*, х.-м., бур. *бүтэн*, калм. *бүтн* «весь, целый; исправный»; *дэсун*, *дэһун* «веревка; петля; аркан» < монг.; ср. п.-мо. *degeyin* «веревка», х.-м. *дээс(эн)*, бур. *дээһэ(н)*, калм. *десн* «веревка (из конского колоса)»; *зүүу* «направление; прямая линия» < монг.; ср. п.-мо. *jüg*, х.-м., калм., бур. *зүг* «направление, сторона»; *кадасун* «гвоздь, столб, свая» < монг.; ср. п.-мо. *qadaγusun* «гвоздь», х.-м. *хадаас(ан)* «гвоздь; прибивка», бур. *хадааһа(н)* «гвоздь», калм. *хадасн* «гвоздь; сучок (дерева)»; *калган*, *кālгэ*, *һалган* «подпора, свая (у двери в жилище); дверь (прикрепленная к косяку); ставни» < монг.; ср. п.-мо. *qayalγa*, х.-м. *хаалга(н)* «ворота, дверь», бур. *хаалга* «ворота; дверца, калитка»; (тунк.) «ставни (на окнах)»; (бох.) «крышка (котла)»; *кири(н)*, *кирипчу* «грязь, гадость, пакость; грязный, гадкий, противный» < монг.; ср. п.-мо. *kkir*, х.-м. *хир*, бур. *хирэ* «грязь»; *колбо* «складывать продукты, вещи на лабаз, надеть, нанизать», *колбон*-, *һолбо*- «соединяться» < п.-мо. *qolbu*-, х.-м., бур. *һолбо* «соединять, связывать, сочетать»; *мургу*- «кланяться, приветствовать; жаловаться (в суд); молиться», *мугулэ* ~ *мургулэ* «бодать» < монг.; ср. п.-мо. *mörgü*- «кланяться, бодать», х.-м. *мөргө* «низко кланяться, молиться», бур. *мургэ*- «стукаться; ударяться; перен. кланяться, молиться; подавать жалобу; бодать»; *токум* «потник; подстилка (на нарах)» < монг.; ср. п. мо, *toqum* «потник (под седло); седло», х.-м., бур. *тохом* «потник, войлок (под седло)»; *тōлән* ~ *толең* «диск (металлический); блестящий предмет» < монг.; ср. ср.-мо. *tolui* «зеркало», п.-мо. *tolin* «зеркало, металлический диск», х.-м. *толь* (толин) «зеркало; круглая бляха», калм. *толь* «зеркало», бур. *толи* «зеркало; тарелка (большая, чаще металлическая)»; *эрдэ*, *эртэ* «рано утром», *эрдэкүн*, *эрдэлтэнэ* «рано утром заблаговременно» < монг.; ср. п.-мо. *erte*, х.-м., калм. *эрт(эн)*, бур. *эртэ* «рано; прежде, в старину; ранний; древний».

Многие слова, попав в эвенкийский язык, подверглись семантическому переосмыслению. В этой группе слов наблюдаются различные переносы значений, чаще по сходству, например:

аннақ «привычное место», *ан'ңу* «занятие» < монг.; ср. п.-мо. *ang*, бур. *ан зан* «нравы, обычаи, привычки», х.-м. *ан(г) зан* «нравы и обычаи»; *бадара* «лесной пожар», *бадара*- «гореть (о

лесе)» < монг.; ср. п.-мо. badara-, х.-м. бадра- «гореть пламенем», бур. бадар- «разгораться, пылать», калм. бадра- «пылать»; бātкāн- «принять устойчивое положение (для выстрела)» < монг.; ср. п.-мо. batu, х.-м. бат, калм. бат «крепкий, прочный, устойчивый», х.-м. бататга- «укреплять», бур. бата «крепкий, прочный», батадха- «укреплять»; була- «испечь (в золе), изжарить (на углях)» < монг.; ср. п.-мо. bula-, х.-м., бур. була- «зарывать, засыпать, закапывать», бур. буламар (мух.-шиб.), булаша (хорин.) «лепешка, калач (выпеченный в горячей золе)», калм. бул- «зарывать, засыпать, закапывать; печь»; бумбукэ «шарик (из теста), булочка» < монг.; ср. п.-мо. bömbüge, х.-м. бөмбөг «мяч, мячик», бур. бүмбэгэ «шар, мяч, мячик», калм. бөмбг спорт., «ядро»; дурун «узор, вышивка» < монг.; ср. п.-мо. dügi, х.-м. дүр «образ, облик, вид, фигура», п.-мо. dürsü(n), х.-м. дүрс(эн) «изображение, вид, форма», бур. дүрэ, зап. дүрхэ(н) «образ, облик, вид, фигура», калм. дүр «внешний вид, образ; вид, форма», дүрсн «внешний вид, изображение, очертание»; кариц «вдруг» < п.-мо. qaḡin «но, однако, напротив», х.-м. харин «однако, только, но, а; все же, именно», бур. хари(н) «однако, только, но, а»; кокирā- «пересохнуть (о коже для выделки)» < монг.; ср. ср.-мо. qoḡiga- «засохнуть», п.-мо. qoḡiq, х.-м., бур. хохир «сухой навоз»; кото «зоб (птичий)» < п.-мо. qoḡuḡādu ~ qoḡuḡūdu «желудок», н.-м. хот, хоодод(он) «желудок», бур. хото, хотоодо «желудок», калм. хот «зоб (у птицы)»; кукйн «невестка (жена сына, жена младшего брата)» < монг.; ср. п.-мо. кейкеп, х.-м. хүүхэн, калм. күүкн «девушка, девочка, дочь», бур. хүүгэ(н) «дитя, ребенок; девушка, девочка», дочь»; мукэри «чурка; бревно (обтесанное)» < монг.; ср. п.-мо. тоқиḡи-, х.-м. мухри- «катиться, валяться, опрокидываться», бур. мухири- «катиться, валяться»; һара «клин (посредине лука)», һārэн, һарон «лука (оленьего седла)» < монг.; ср. п.-мо. aral, ср.-мо. haral «оглобля, корпус телеги», х.-м. арал «оглобля, корпус телеги, шасси», бур. арал «оглобля, телега, арба»; чабидар, чабедар, шабжан, шэбдэндэрэ «песец», «лисица (с белой гривой и хвостом)», «соболь» < монг.; ср. п.-мо. čabdar, х.-м. цавьдар «игрневый (рыжий со светлой гривой и хвостом)», бур. сабидар, калм. цэвдр «игрневый (жеребец, конь)»; эрү (урү) «плохой, вредный; плохо; зло, горе,

беда, проступок» < монг.; ср. п.-мо. egegüü, х.-м. эрүү «пытка; преступление».

Таким образом, наличие значительного количества монгольских лексических заимствований, проникших в различные области лексики (особенно прилагательные, наречия и большое число глагольных основ), свидетельствует о древности, глубине и широте связей предков эвенков с монголоязычными группами. По фонетическому облику монголизмы эвенкийского языка не имеют существенных отличий от их оригиналов. В морфологическом отношении большинство анализируемых слов не претерпело каких-либо значительных изменений. Что касается семантической освоенности монгольских заимствований, то наряду с тем, что значительная их часть так или иначе сохраняет свои значения, многие участвуют в процессах развития семантики.

Анализ лексики современного эвенкийского языка показывает большой пласт монгольских лексических заимствований, проникших в различные области эвенкийской лексики, что вне сомнения говорит об исторических связях предков эвенков с монголоязычными группами племен Забайкалья и Прибайкалья, уходящих в глубины неолитического времени.

Заемствованная лексика проходит успешно все этапы освоения, причем стадия экзотичности у современных заимствований не наблюдается, поскольку заимствованное слово приходит в эвенкийский язык вместе с реалией. Все заимствования соотнесены с определенными грамматическими классами и категориями: они имеют число, падеж и практически все употребляются в соответствии с грамматическими нормами эвенкийского языка.

Литература

- Алтайские этимологии. – Л., 1984. – 225 с.
 Берелтуева Д.М. Монгольские заимствования в производственной лексике баргузинских эвенков // Лексика тунгусо-маньчжурских языков Сибири. – Новосибирск, 1985. – 133 с.
 Берелтуева Д.М. Производственная лексика баргузинских эвенков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1990. – 20 с.
 Будаев Ц.Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. – Новосибирск, 1978. – 300 с.

- Бураев И.Д. Фарингальный *h* в бурятских диалектах // Языки и топонимия: сб. ст. – Томск, 1976. – С. 68–70.
- Бураев И.Д. Становление звукового строя бурятского языка. – Новосибирск, 1987. – 183 с.
- Бураев И.Д. Результаты языковых контактов в околбайкальском регионе // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. – Новосибирск, 1989. – С. 132–145.
- Дамдинов Д.Г. Этнолингвистический очерк хамниганского говора // Исследование бурятских говоров. – Улан-Удэ, 1968. – Вып. 2. – 196 с.
- Дамдинов Д.Г. О языке закаменных (армакских) хамниган // Исследование бурятских и русских говоров. – Улан-Удэ, 1977. – С. 40–46.
- Дамдинов Д.Г. Язык олонских хамниган (историко-лингвистическое исследование). – Улан-Удэ, 1995. – 59 с.
- Золхоев Б.В. Монгольязычное население Байкальской Азии во II–XVII вв. История и проблемы. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. – 138 с.
- Исследования в области этимологии алтайских языков. – Л., 1979. – 262 с.
- Котвич В.Л. Исследование по алтайским языкам. – М., 1962. – 371 с.
- Крысин Л.П. Иноязычные слова в современной жизни // Русский язык конца XX столетия. – М., 1996. – 378 с.
- Нелюбин Л.Л. Сравнительная типология английского и русского языков. – М.: Флинта, 2012. – 152 с.
- Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. – Л., 1972. – 362 с.
- ПМА – полевые материалы автора, проведенные в 2013 г. в Республике Бурятия.
- Рамstedт Г.И. Введение в алтайское языкознание. Морфология. – М.: Изд-во иностр. лит., 1957. – 255 с.
- Рассадин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. – М., 1982. – 212 с.
- Рассадин В.И. Влияние тюркских и тунгусо-маньчжурских языков на формирование лексического состава бурятского языка // Актуальные проблемы современного монголоведения. – Улан-Батор, 1987. – С. 169–183.
- Рассадин В.И. О тунгусо-маньчжурских элементах в монгольских языках // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. – Новосибирск, 1989. – С. 145–152.
- Рассадин В.И. Присаянская группа бурятских говоров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ, 1996. – 214 с.
- ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю. – Л.: Наука, 1975. – Т. I. – 672 с.; Т. II. – 992 с.
- Цинциус В.И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. – Л., 1949. – 342 с.
- Цинциус В.И. Задачи сравнительной лексикологии алтайских языков // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. – Л.: Наука, 1972. – 353 с.
- Цинциус В.И., Бугаева Т.Г. К этимологии названий металлов и их сплавов в алтайских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. – Л., 1979. – 263 с.
- Чимитдоржиева Г.Н. Исторические связи бурятского и эвенкийского языков (на примере лексики). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – 211 с.
- Щербак А.М. О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // Вопросы языкознания. – 1966. – № 3. – С. 21–35.
- Doerfer G. *Mongolo-Tungusica*. – Wiesbaden, 1985. – 100 с.
- Poppe N. *Introduction to Altaic linguistics*. – Wiesbaden, 1965. – 40 с.

K.N. Struchkov

Mongolian lexical borrowings in the Evenk language

This article is devoted to the characterization of the functioning of the Mongolian lexical borrowings in the Evenki language in the sociolinguistic aspect.

Analysis of the vocabulary of the modern Evenki language shows the presence in it of a large number of Mongolisms, which entered at different times and in all three dialects of the language. The ancient Evenks were in a long historical time in interaction with the Mongolian-speaking peoples, as a result of which a large layer of Mongolian lexical borrowings penetrated the vocabulary of the Evenki language, which confirms the historical ties of the Evenks with these peoples. The place of the borrowed word in the Evenki language system is determined by its sociolinguistic nature, i.e. the presence of social interaction and the unity of linguistic characteristics. The results of the study show that the borrowed word is overgrown with all the qualities of the “receiving” recipient language and becomes the unit of the lexical level of the Evenki language. At the same time, the phonetic appearance of the Mongolisms practically did not

change. In morphological terms, most of the analyzed words also did not undergo any significant changes. Some of the Mongolisms in the Evenki language underwent semantic rethinking (narrowing or broadening of the meaning), another part of the Mongolian borrowings retains their meanings.

Scientific novelty consists in attracting the widest possible range of sources of linguistic material, revealing the functioning of Mongolian borrowings in the Evenki language in a sociolinguistic aspect.

Keywords: Evenki language, Mongolian language, Buryat language, language contacts, mutual influence, lexical borrowings, comparative study, vocabulary.